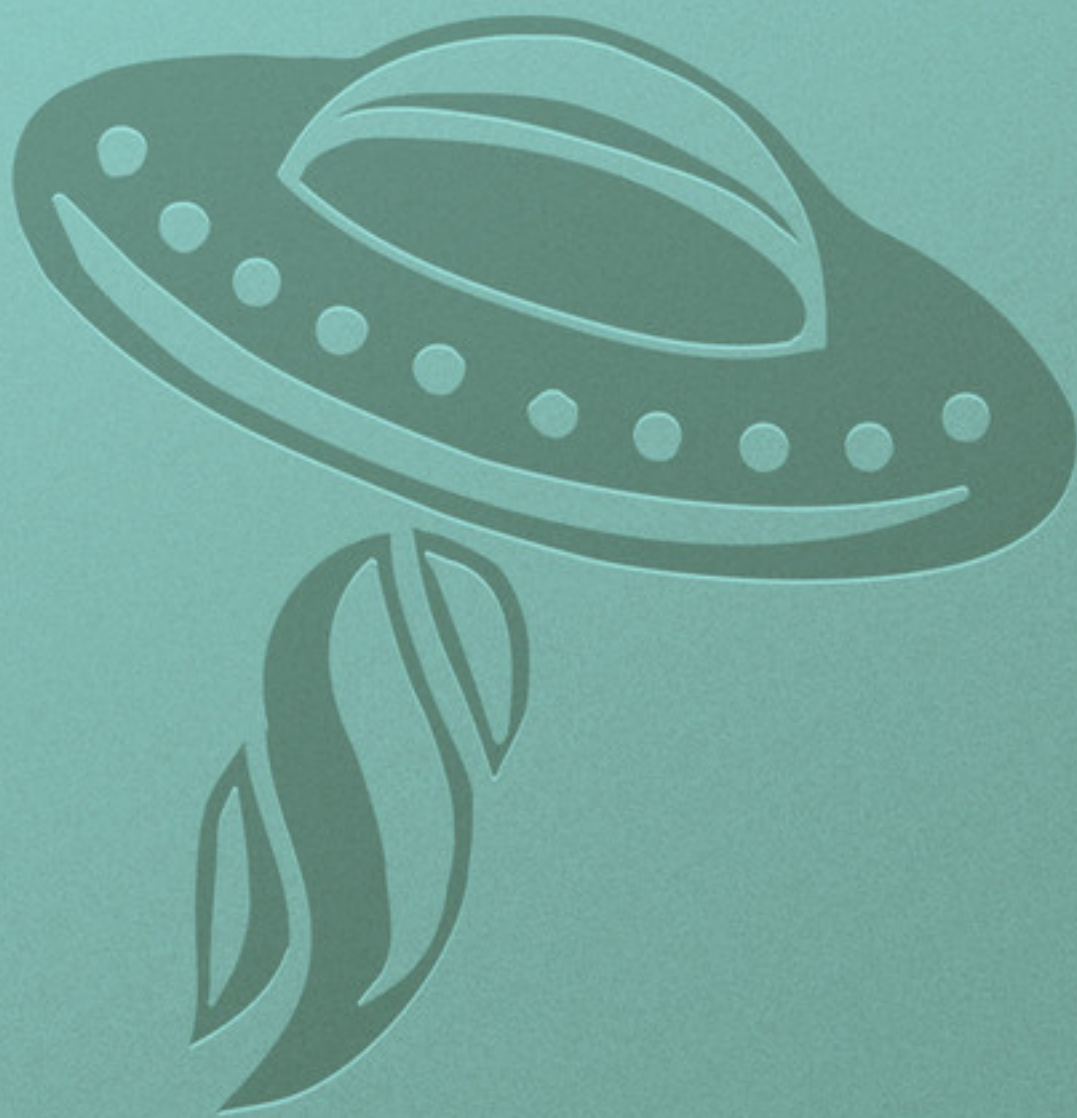

Александр Громов

Менуэт Святого Витта

*Часть сборника
Властелин пустоты (сборник)*

Александр Громов

Менуэт Святого Витта

«ЭКСМО»

1997

Громов А. Н.

Менуэт Святого Витта / А. Н. Громов — «Эксмо», 1997

Экипаж космического грузовика, следующего по маршруту Луна – Меркурий, подбирает в открытом космосе инопланетянина, который оказывается на редкость прожорливым монстром... Группа земных разведчиков застревает в одном из параллельных миров, когда схлопывается подпространственный тоннель, и теперь перед ними стоит практически невыполнимая задача – выжить и вернуться домой... Несколько десятков детей, спасшихся с совершившего экстренную посадку звездолета, становятся пленниками загадочной планеты, на которой по неведомым причинам умирают взрослые... Самые невероятные события происходят в произведениях популярного фантаста Александра Громова, лауреата многочисленных литературных премий.

© Громов А. Н., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	16
ИНТЕРМЕЦЦО	22
5	24
6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Громов

Менуэт святого Витта

*Я должен был строить, повинаясь лишь своей вере, не слушая
ничьих советов.*

Уильям Голдинг. «Шпиль»

1

*О, странники! А мы тут, наверху, видели, как в раздавишиеся швы
крыши просачивалась синяя ночь. Этого крошечного отверстия было
достаточно, чтобы через него могла просочиться одна-единственная
звезда. Процеженная для нас сквозь все небо. Эта звезда приносила
болезнь. Мы отворачивались: от нее умирали.*

Антуан де Сент-Экзюпери. «Южный почтовый»

Холодно. Господи, как холодно! Боже, помоги мне вынести эту ночь. Если ты есть, сделай так, чтобы я согрелся. Если тебя нет или ты остался далеко, пусть кто-нибудь другой сделает так, чтобы я согрелся. Кто-нибудь, мне все равно. Пусть это сделает Стефан... пусть даст хоть немного тепла, в нижних ярусах еще много тепла, я знаю. Здесь, наверху, холодно. Стефан не знает, как холодно наверху по ночам, когда бьет дождь и низкие тучи бегут с севера. Откуда ему знать? Проснется, сунет нос проверить, не заснул ли часовой, и тут же обратно, холода и не почувствует. У-у... А как может часовой спать, когда такой холод? Ничего он не может, вообще ничего, пальцы окоченели, и голос сел. Этот холод меня убьет. Вон какой дождь, как только не замерзает в полете? Печку не разожжешь, торф мокрый весь, и навес прохудился, куртка не греет... Совсем не греет. Холодно. Очень холодно. Пусть Стефан даст немного тепла, все ему прощу, пусть только прикажет протянуть снизу какую-нибудь кишку с паром, чтобы хоть руки греть... Нет. Не прикажет. Не даст. Бесполезно упрашивать.

Тщедушная фигурка мотнулась в сторону, уперлась в ограждение на краю площадки. Ноги скользнули по мокрому металлу. Медленно-медленно фигурка двинулась вдоль ограждения, перебирая зазябшими пальцами по тонкой гнутой трубе, приваренной для страховки на уровне пояса. За трубой в мутном свете качающегося фонаря не было видно ничего, кроме черноты и дождя с летящими крупинками снега, не было видно ни земли, притаившейся метрах в ста внизу, ни частокола кольцом вокруг башни, ни кособоких сараев и навесов внутри частокола, ни тем более горизонта, растерзанного бегущими клочьями туч. Вперед, вперед! Не останавливаться. Только так можно вынести эту ночь – идти и идти, идти в никуда, мерить и мерить шагами верхнюю площадку донжона, пока не наступит утро... Скорее бы. Стефана бы сюда, хотя бы на одну ночь... Или хоть кого-нибудь, ведь предлагали же дежурить ночами вдвоем, греться друг о друга. Стефан запретил. Почему он запретил, когда так холодно? Никто не знает...

– Эй, кто внизу?

Показалось. Никого там нет. Да и кто может быть? И зачем ему быть в черноте в такой холод? Некому, некому приходиться, никому мы тут не нужны, говорили же ему... От белых клоунов или бродячей паутины защитит частокол, а если опять придет цалькат, он частокола и не заметит, пройдет как по ровному, но с башней ему не справиться и часового ему не достать, и вот тогда-то придет время посмотреть, подействует на цальката хоть как-нибудь пружинный стреломет или не подействует. На черепах или, скажем, болотных червей он действует, проверяли, а вот гарпию можно сбить только случайно, что стрелометом, что бластером, попробуй

в нее еще попади, заразу... Но хорошая, очень хорошая вещь этот стреломет, всегда в смазке и на боевом взводе, сделал-таки Стефан одну полезную вещь. Нужно крутить ворот минут пятнадцать, зато потом только дави на спуск: первая стрела летит на пятьсот шагов, вторая на четыреста девяносто, третья на четыреста семьдесят и так далее, а последняя в магазине, десятая, на триста десять. И точность боя что надо. Конечно, Стефану помогали: и Дэйв помогал, и Ронда, и даже Питер работал с интересом, а потом наделал тупых деревянных стрел и пытался ловить их руками на излете... Ни одной не поймал. Потом Фукуда напиллил настоящих тяжелых стрел из поручня трапа и высверлил каждой хвостовую часть, чтобы не кувыркались и пели в полете, а химик Диего смазал наконечники каким-то зеленым желе и велел без нужды не хватать руками... Хорошая вещь этот стреломет, завалил бы только пальката... Как валит пальката «махер», мы все знаем, хорошо видели. Почему Стефан не дает часовым оружие? Боится?

Конечно, боится.

Шаг. И еще один шаг, и еще. Не греет ходьба. Боже, как холодно... Даже если я не замерзну, завтра вряд ли смогу встать. А завтра неплохо бы быть веселым, завтра день рождения Петры, она хорошая девчонка. Сколько же это ей будет – сорок семь? Да, она на год младше меня, совсем малышка такая пухленькая, а значит, сорок семь. Уже сорок семь или еще сорок семь?.. У-у, глупые какие мысли, это от холода. Точно. Может, попытаться попрыгать или побегать? Свалюсь ведь, поскользнусь и сорвусь, и перила не удержат... Нельзя же так. Несправедливо. Ну, малыши не дежурят, это я понимаю, ну, девчонки дежурят только старшие и только днем, это я тоже понимаю, а почему не дежурит, скажем, Анджей? Он что, маленький? Или девчонка? Нет, у него, видите ли, наблюдения, ему днем бодрствовать надо, ночью спать, а днем он даже торфа не ковырнет... Господи, я же не выдержу... Пальцы на ногах ничего не чувствуют. Погреться бы. Только на минутку, на одну-единственную маленькую минутку зайти внутрь и погреться, вот он люк, никто ведь не заметит, а потом сразу обратно... Стефан накажет? Так ведь не застрелит же. И не накажет, все спят сейчас, и Стефан спит, а мне только на одну минутку...

Мальчишеская фигурка отклеилась от перил, постояла в нерешительности, дрожа всем телом, попыталась плотнее запахнуться в мокрую куртку и, пригibasясь навстречу дождю, побрела к люку на середине площадки. На верхних ярусах автоматика не действовала, этот люк открывался вручную. У люка мальчик еще раз остановился, борясь с искушением, затем оглянулся, будто кто-то мог его увидеть, подышал, стуча зубами, на окоченевшие пальцы и с натугой откатил крышку по направляющим. Внутри было темно, зато тепло почувствовалось сразу. Мальчик присел над люком, наклонил к черноте осторожное ухо. Тепло притягивало. Теперь мальчик знал, что не уйдет отсюда. Спят? Нет, пожалуй, не спят... Стук дождя по металлу площадки мешал слушать. Что там – сигнал общей тревоги? М-м... Нет, только не сигнал, он звучит совсем не так и вдобавок воет по всему кораблю, а это где-то в одном месте. Нет, не сигнал это общей тревоги, это только что-то очень похожее на сигнал, а вот теперь сигнала нет, зато бубнят два голоса...

Маленький озябший мальчик сидел на краю люка на верхней площадке круглой башни-донжона, почти цепляющейся за бегущие клочья низких туч, и холодный косой дождь все хлестал и хлестал по этой площадке и по тшедушной дрожащей фигурке; дождь шелестел по всей башне, глубоко вплавленной в грунт широким основанием, по башне, которая с носовой надстройкой, давно снятой и разделанной на металл, не была бы похожа на башню-донжон в центре крепости, а была бы похожа на то, чем являлась в действительности: малым туннельным кораблем «Декарт» звездного класса, земного порта приписки, средней дальности свободного полета, стандартной автономности, на сто восемьдесят пассажиров и шесть членов экипажа...

2

В каюте кто-то был. Кто-то невидимый осторожно ступал босыми ногами, шарил впотьмах, очень стараясь не шуметь. Стефан Лоренц проснулся так, как просыпался всегда – без переходного состояния с морганием и потягиваниями, без застилающего глаза розового тумана с уплывающими обрывками ночных снов. Тело включилось, и голова была ясной. Он лежал молча, лицом к переборке, его дыхание оставалось ровным, как во сне, но тело против воли было напряжено. Он пошевелился, и тот, за спиной, замер. Тогда Стефан дернул щекой, немного поворочался, подогнул под себя ноги, затем снова замер, заставив себя расслабиться, и стал ждать. Некоторое время того, другого, не было слышно, но Стефан хорошо представлял себе, как у ночного пришельца гулко бухает сердце. Он усмехнулся про себя: дышать и то боится... Удерет? Нет, не удерет, пока не доведет дело до конца, слишком долго они этого ждали, терпенья нет, никуда он не удерет, коли уж они опять решились...

Так. Шарит на полке, где одежда. И кобура, конечно, тоже там, вот она поползла наружу, по звуку ясно. Долго как копается... Ну что, много ты там нашел? Где теперь искать будешь? Надо думать, под подушкой, на большее фантазии не хватит. Так... лежать тихо. Приближается. На цыпочках идет, осторожничает и руки, наверно, в темноте растопырил, как лунатик. Как он вообще в дверь вошел? Там три ИК-луча. Впрочем, если ползком и если очень постараться, то можно подлезть под нижним, но ведь это же знать надо!.. Значит, знают.

Противно все это, слов нет.

Невидимый наткнулся на койку. Медленно, очень медленно рука поползла под подушку. Интересно, кто это, подумал Стефан. Илья, Дэйв, Диего? Рыжий Людвиг? Или, может быть, Ронда – что-то она вчера по-волчьи смотрела, с таким вызовом, кто-то ее даже одернул. Если бы Питер был здесь, нечего было бы и гадать. Хотя нет, Питер сам не сунется, не его это метод, пришлет кого-нибудь другого, кто поглупей...

Голова вместе с подушкой мягко приподнялась – ночной пришелец запустил руку по локоть. Стефан резко повернулся и попытался схватить эту руку, но рука тотчас отдернулась. Стефан вскочил на ноги. Кто-то рядом издал странный высокий писк, вывернулся, крутнувшись волчком, из рук, отскочил, еще раз увернулся, и сейчас же по полу часто-часто зашлепали босые ноги. Чужой легко ударился в дверь, в распахнувшемся проеме мелькнул невысокий силуэт – на вид лет десять, определил Стефан, – исчез было, метнувшись вбок, но Стефан уже был в дверях, и в каюте уже тянуло гудел сигнал самодельного сторожевого устройства – негромко, чтобы не разбудить спящих, как и положено сторожевому сигналу, предназначенному только для одного человека, для одного-единственного против всех...

В коридоре Стефан настиг бегущего в три прыжка.

– Уве?

Схваченный мальчишка не сопротивлялся, только прикрывал голову руками. Стефан втащил его в каюту, по пути вырубив сигнал, и, осмотревшись, толкнул пойманного подальше от двери. Затем подошел к шкафу, молча достал и натянул на себя комбинезон. Сняв с верха шкафа тяжелый, с массивной рубчатой рукояткой, «махер», покачал его на ладони.

– За этим приходил?

– Бить будешь? – спросил мальчишка. – Ну бей...

– За этим приходил, я спрашиваю?

– Нет, – соврал было мальчишка и, встретив усмешку, вскинул голову. Черт ему был не брат. – Да! Да! За этим! И что?

Стефан молча прошелся из угла в угол. Мальчишка следил за ним волчьими глазами. Так... значит, теперь и Уве? И этот ненавидит. За что? Хорошо бы сейчас и навсегда плюнуть на все на это, пусть Питер делает что хочет, если только вернется, и остальные пусть делают что

хотят... Нельзя. Никак нельзя, это-то и есть самое противное. Когда-нибудь они меня непременно подловят, подумал Стефан, дурака я свалил, когда выскочил без оружия, в следующий раз в коридоре наверняка будет засада. Или в следующий раз осмелеют и просто придут с ножом... Давно надо было сменить сигнализацию. Их можно удерживать долго, очень долго, но, разумеется, не вечно, и чем дальше, тем будет хуже. Когда-нибудь это плохо кончится, может быть, даже раньше, чем я думаю...

– Зачем тебе понадобился «махер»?

Уве вызывающе шмыгнул носом.

– А что, нельзя? Тебе, как всегда, можно, а нам нет?

– Вам нельзя, – сказал Стефан. – А мне можно.

– Вот так, да? – Мальчишка повысил голос. – Думаешь, раз самый старший, так самый умный? Тебе пятьдесят три, а мне пятьдесят ровно – много разницы?

– Существует и другой счет, – сказал Стефан. – По этому счету тебе десять, а мне тринадцать с половиной. Надо еще объяснять? Может, малыша Джекоба предложишь назначить старшим? Ему скоро сорок один, цветущий возраст. Кстати, «много разницы» – так не говорят. Говорят – «большая разница». Не забывай.

– Питер старше тебя на две недели...

Стефан усмехнулся углом рта:

– С Питером половина из вас перемрет через полгода, а вторая половина будет пытаться украсть у него этот самый «махер». Нашли себе кумира. Я лучше других знаю корабль и лучше других понимаю, что нужно делать, чтобы выжить, – так кто должен управлять вами: я или твой Питер? Мне, по крайней мере, на вас не наплевать.

– Надоел ты мне, – с ожесточением сказал Уве. – Привел бить, так бей, чего тянешь?

Стефан прошелся по каюте, толчком ноги пододвинул к Уве стул:

– Садись. – Уве поколебался и сел на краешек.

– Ты мне напомни, я забыл, – медленно сказал Стефан, – когда-нибудь был случай, чтобы я бил кого-то?

– Ну... не бил. Только замахивался – думаешь, легче от того? На торф посылал. Бластером грозил...

– Это не одно и то же. Спрашиваю в последний раз: зачем тебе понадобился «махер»?

– Это не мне! – тонким голосом выкрикнул Уве. – Это на крышу! Дежурному!..

– Врешь, – холодно сказал Стефан. – Не дежурному. Сегодня дежурит Киро, а я вас всех наизусть знаю. Ради Киро ты бы не пошел воровать бластер. Ты бы ради Питера пошел. Он тебя надоумил?

– При чем здесь Питер? – с трудом, будто ворочая комок в горле, проговорил Уве. – Питер же не вернулся еще... Услал человека, теперь на него валишь? Ребята хотели узнать, правда ли последний заряд остался или еще есть. Тут всякое говорили... И Анджею выпало идти.

– Занятно. А он что же?

– А он заявил, что никуда не пойдет. У него, мол, такие правила, и вообще знать ему про «махер» неинтересно. Ребята собирались его побить, может, уже и побили, не знаю. Толку-то – бить его... А потом кинули жребий еще раз, и выпало идти мне.

– Ты и пошел?

– Угу. – Уве неожиданно всхлипнул.

– Ну, проверили бы вы «махер», – сказал Стефан, – а потом?

– Что – потом? – спросил Уве, не смотря в глаза.

– Я спрашиваю: что бы вы потом с ним делали? Надо думать, нашли бы применение?

– Не знаю... Ребята хотели проверить... Мы ничего такого не...

– Людвиг был с вами? – перебил Стефан.

Уве всхлипнул и покачал головой:

- Не скажу.
- Ясно, был. Про Илью с Дэйвом и не спрашиваю. А девчонки? Ронда была?
- Не скажу...
- Значит, была...

Уве вдруг расплакался – тихо и по-детски неудержимо, отвернувшись и часто шмыгая носом, чтобы не было слышно всхлипываний. Все-таки мы дети, подумал Стефан. Даже страшно становится, когда подумаешь, какие же мы еще дети. Мы разучились задавать детские вопросы. Но мы плачем, как дети. Наверно, поэтому мы плачем так редко.

- Ну-ну, – сказал Стефан. – Перестань.

Он подошел, обнял Уве за плечи – тот попытался вырваться. Стефан присел рядом.

– Ну хватит, хватит, – мягко сказал он. – Разве так можно? Тоже, нашел из-за чего... Перестань, я сказал. Ты думаешь, мне не трудно? Мне, если хочешь знать, труднее всех, а я ведь не хнычу. Ну ладно, малыш, с кем не бывает. Соберись, соберись, парень, разве так можно...

Плечи Уве вздрагивали. А вот этого он мне никогда не простит, вдруг с неожиданной ясностью понял Стефан. Никогда. Лучше бы я его побил. Теперь он притихнет и будет держаться в стороне из страха, что я расскажу всем, как он тут пускал сопли, какое-то время его можно будет даже использовать, но теперь всегда придется помнить о нем и не подставлять зря спину. Он мне враг. Теперь у меня появился еще один враг.

– Иди умойся, – сказал он, отстраняясь. – Завтра тебе на торф идти, дыхания не хватит, и толку от тебя не будет. Спать иди.

– Завтра не моя очередь, – возразил Уве, всхлипнув в последний раз. Потом его голос стал злым: – Вот так, да? На торф меня? За что?!

– Я передвинул очередь. Завтра должна быть Петра, а у нее день рождения. Поэтому будешь ты, Дэйв и Агнета. Это не наказание. Будет укороченный день, а вечером – праздник. Постарайся его не испортить.

Уве стер рукавом слезы. На впалых щеках остались темные полосы.

– Ладно... Что будет к празднику?

– Пирожные. Диего сказал, что постарается. По девяносто граммов.

– Мало.

– Сам хотел бы больше. Ну, ты иди, иди. Ночью спать надо.

Уве кивнул. Перед дверью он остановился, повернул к Стефану голову через плечо и спросил:

– От Питера ничего не было?

– С какой стати? – сказал Стефан. – Насчет связи – сам знаешь. Или у нас что-то накрылось, или у них. Донна копается.

– Я сам вчера копался, – сказал Уве. – Это не у нас. Это у них. Они еще позавчера должны были вернуться.

– Вернутся.

– Если нет, я тебе не завидую, – негромко проговорил Уве. – Чего там, все равно тебе донесут. Имей в виду, ребята так и говорили: если Питер не вернется, плохо тебе будет, Лоренц. И Маргарет плохо будет. Сами решим, как нам жить.

– Принято к сведению, – холодно сказал Стефан.

Уве еще постоял секунду и вышел, направился было вправо по коридору, но тут же развернулся и быстро-быстро пошел влево. Стефан выскочил следом – направо.

– Так, – сказал он. – И этот здесь. Ты где должен быть? Почему не на посту?

Киро улыбался вымученной глуповатой улыбкой. С него капало. Дрожь еще не прошла, зубы часто-часто колотили друг друга.

– Почему бросил пост, спрашиваю!

– Я... это... холодно ведь. Дождь там, снег, холодно очень... Я это... слышу – вроде как сирена...

– Хороший слух, – усмехнулся Стефан. – Просто феноменальный слух, всем бы такой. И нюх на уют тоже редкостный. Губа не дура. Ему еще стоять и стоять, а он сбежал. А если, пока ты здесь, придет цалькат – что тогда?

– Не придет он в такую погоду, – возразил Киро. – Сколько лет не приходил... А может, он тут всего один и был, откуда мы знаем...

– Ты уже понял, что надо делать? – спросил Стефан.

Киро кивнул. Он шел обратно к трапу медленно, как лунатик, оставляя за собой мокрые следы. Он ловил каждую секунду отсрочки.

– А ну, стой! – Киро остановился как вкопанный и посмотрел на Стефана с недоверчивой надеждой. Стефан отвел глаза: – Иди переоденься...

3

До рассвета он провозился с сигнализацией. То, что получалось, никак не удовлетворяло. Незаметные волоски-паутинки, обрываемые вошедшим, разлитое по полу машинное масло возле шатких механических конструкций, обрушивающихся с жутким грохотом при малейшем прикосновении, емкостные ловушки, невидимые пучки тех или иных лучей в дверном проеме, акустические датчики, электромагнитные датчики, реагирующие на биение сердца вошедшего, хеморецепторы, соединенные с сигнальной сиреной, – все это, включая вульгарные грабли-самodelки на полу у двери, однажды с блеском сработавшие, уже было придумано, изготовлено, опробовано, принято на вооружение, рано или поздно раскушено и с потерей новизны переставало быть защитой. На каждую выдумку неизбежно находилось противоядие – иногда спустя месяцы, как, например, в случае с детектором биотоков. Чаще – спустя дни. Но контр-средство находилось всегда. Иногда Стефан думал о том, что лучшей защитой была бы толстая стальная дверь с неподъемным амбарным замком. Но это означало бы преподнести подчиненным такой подарок, о котором они едва ли могли мечтать. Это означало без боя признать поражение.

Наконец он остановился на варианте, который показался ему приемлемым, молча закончил работу и вышел из капитанской каюты. Спать не хотелось совершенно. Сутки здесь длились тридцать один час, и даже летом почти половину их занимала черная беззвездная ночь. Зимой – чуть больше половины. Планета практически не знала смены времен года, природа в средних широтах навеки застыла в прохладном робком лете, зимой чаще обычного дули северные ветры и шли дожди – вот и все. Пятнадцатичасовая темнота давала время выспаться всем, включая двоих дозорных на крыше, делящих ночь на два дежурства. Вполне достаточно, чтобы весь день быть бодрым и не скулить. Так нет же – скулят... Даже не от холода скулят, размышлял Стефан, не от дождя этого идиотского – от жизни такой. От вынужденной убогости, от четкой размеренности работ, зачастую бессмысленных, но необходимых для того, чтобы не деградировать в колонию простейших, а самое главное – от отсутствия перспективы. От полнейшей никчемности нашей жизни и нашего вечного детства, это-то давно дошло до каждого. И каждый почему-то уверен, что Стефан Лоренц этого не понимает – то ли вообще не способен понять, то ли, что вероятнее, понять не желает. Как же: Лоренц – капитан! Лоренц – диктатор... Стефан напрягся, скаля зубы. Шаги против воли сделались пружинящими. Да! Да!! Диктатор! Шейх! Пахан, черт вас подери! Узурпатор! И так будет! Думайте обо мне что хотите, только я вас самим себе не отдам, так и знайте...

Тяжелая кобура при каждом шаге била его по боку. Так было нужно, хотя до рассвета оставалось еще не меньше часа и Стефан ясно понимал, что до самой сирены общего подъема мог бы спать спокойно: второй раз за ночь они не сунутся. Наверняка. Времени у них навалом, торопиться некуда. А мы пройдемся... Стефан помнил, что когда-то второй вахтенный при отсутствии на борту нештатных ситуаций был обязан раз в смену совершить обход служебных помещений, больше по традиции, чем по необходимости. Иногда это делал сам Бруно Лоренц, капитан «Декарта», бывая в такие минуты строгим и добродушным одновременно, и его тяжелые шаги внушали спокойную уверенность в благополучном исходе чего бы то ни было, один только раз Стефан помнил отца в ярости... Ладно, назовем эту прогулку обходом... Назовем это преемственностью. Скорее всего, в ближайшие дни они ничего существенного не предпримут, будут все как один фальшиво равнодушны и до некоторой степени исполнительны, но будут в конце концов работать, без энтузиазма принимая поощрения и без особых пререканий снося наказания, особенно старшие. И все как один... нет, не все, а почти все – с едва заметным «почти» – будут ждать... ох, как они будут ждать, когда вернется Питер! Если вернется...

Если не вернется, будет плохо, подумал Стефан. Но если Питер вернется, тоже будет плохо, и даже еще хуже. Было бы идеально, если бы вернулись Вера и Йорис, а Питер где-нибудь сгинул: на порогах, что ли, или на озере – там водяной слон очень даже не прочь перевернуть лодку и позабавиться с гребцами, а озера Питеру никак не избежать... Нехорошо так думать, не надо бы этого. Нет, он вернется, конечно. Всегда возвращался. Десятки дальних экспедиций, сотни небольших вылазок – и ведь все, кроме одной, удачные! Вот в чем штука: неудачных он себе позволить не может. Рискует, очень рискует. Разбил три лодки, доламывает четвертую, а у самого за сорок лет ни одной серьезной раны, ни одного паршивенького перелома! Отчаянная и разумная голова этот Питер, что есть то есть, вот к нему и тянутся аутсайдеры вроде Йориса или Уве. О Ронде Соман и говорить нечего: влюблена в Питера до фетишизма, или как это называется, молится на него, вешает на себя всякую дрянь, которую он ей привозит и дарит: блестящие камешки, ракушки какие-то... прикажи он ей броситься с верхней площадки – ведь бросится, и еще с радостью, что до нее, дурочки, снизошли. Но дурочка она только с Питером, а было бы хорошо, если бы не только... Ладно, она-то не аутсайдер, она – исключение из правила. Будем так считать. А кто тогда Людвиг? Тоже исключение? Да. Исключение. И Дэйв... Что-то много исключений. Обоим чуть-чуть не хватило до лидерства, Людвигу – оптимизма и быстрого действия ума, Дэйву – выдержки и возраста. Дикий он какой-то, Дэйв. Опасный звереныш. Хорошо уже то, что он одинаково ненавидит и Питера и меня, вообще всякое начальство он ненавидит, что существующее, что потенциальное, и поэтому к Питеру он не примкнет, не тот случай. Зря его Питер приручал, таскал по экспедициям – как не было между ними ничего общего, так и осталось...

Гнутые корабельные коридоры были пусты и пыльны – «Велеть прибраться», – мельком подумал Стефан. Аварийное освещение давало причудливые тени. Недавно вывешенный рукописный лозунг: «Равные права – равный кусок» был изъеден кислотой и плохо читался. «Выяснить, кто и где раздобыл кислоту», – отметил Стефан. Где-то наверху в нескольких ярусах над головой на продуваемой насквозь верхней площадке стучал зубами замерзший Киро Васев, где-то внизу, куда ушел Уве, копилась привычная ледяная злоба и длинно, неумолчно и безнадежно, как всегда перед восходом солнца, кричала запертая в изоляторе медотсека сумасшедшая Абилай, а за ближайшим углом кто-то прятался. Стефан не увидел и не услышал его, он не смог бы объяснить, почему он почувствовал человека за поворотом коридора, но, почувствовав, он замедлил шаги. Кто-то невидимый стоял там. Ждал. Он был один, и Стефан с облегчением перевел дух. Рука, начавшая движение к кобуре, опустилась. Перед одним противником – если это противник – нельзя показывать свою слабость, Стефан знал это очень хорошо. Угрозы бластером – всегда слабость. Спасительная слабость, к которой с каждым годом приходится прибегать все чаще и чаще...

За углом была Маргарет.

– Ты чего прячешься? – спросил он.

– Так... – Маргарет пожала плечами. – Несла Абби успокоительное, а то так и будет кричать, ты же знаешь. Слышу – кто-то идет. Не хотелось встречаться. Я думала, или к тебе идут, или от тебя. Чувствовалось что-то такое... в общем, со мною вчера почти никто не разговаривал. Хотела предупредить.

– У меня уже были, – мрачно сказал Стефан. – Как они догадались про инфракрасную завесу, хотел бы я знать. Может, кто-то надоумил?

– Не знаю, – сказала Маргарет. – А кто был?

– Уве.

– Уве?

– Вот именно.

– От него я не ожидала, – заявила Маргарет. – Надо же – теперь и Уве...

– Бывает, – сказал Стефан. – Все, что возможно, то и бывает. На то и жизнь. Иногда даже бывает то, что невозможно, только редко.

– Например? – с интересом спросила Маргарет.

– Например, мы с тобой. И все вокруг. Мальчики и девочки по пятьдесят лет. Эта планета. Это солнце, от которого взрослые умирают, а дети живут очень долго, чтобы со временем стать маленькими старичками, – это возможно? Кто-нибудь о таком слышал? Думал о таком?

– Ну, ты-то еще не старик, – улыбнулась Маргарет. – Да и я не совсем старушка. Погляди, на мне даже морщин почти нет.

– Я не об этом...

– А почему? Мы стареем, это надо принять и успокоиться. Похоже на то, что мы стареем медленнее, чем нормальные люди, но все-таки мы стареем. И когда-нибудь нам придется умереть.

– Ты боишься?

– Я? Пожалуй, да. Немножко. Тут есть такие, для кого это было бы большим облегчением. Но мне бы не хотелось. А они вспоминают Иветт. Помнишь, как она умерла?

– Помню. Она за месяц выросла во взрослую, и у нее был громадный аппетит. Но тогда у нас было лучше с едой. Никто не понимал, что с ней происходит, она и сама не понимала. Ты мне потом сказала, что ее организм просто не выдержал.

– Да. Может быть, теперь я смогла бы ей помочь. Но все равно она умерла бы через две-три недели. Как все взрослые. Будь она постарше, она умерла бы одновременно со всеми. Ей ведь было уже двенадцать – совсем девушка.

– Мне тринадцать с половиной...

– Глупый, – сказала Маргарет. – Девочки же раньше развиваются, ты этого не знал?

– А тебе двенадцать, – сказал Стефан.

– Даже двенадцать и четыре месяца. Мне просто повезло: видишь ли, начало перестройки организма зависит прежде всего от самого организма. Тут уж у кого как. Ронде вот тоже повезло. И тебе.

– И Питеру.

– И Питеру, – согласилась Маргарет. – Кстати, о нем. Ты не думаешь, что за нами сейчас наблюдают?

Вряд ли сейчас, подумал Стефан. Позже – да. С этим всегда приходится считаться. Но сейчас все они внизу и им не до того: Уве объясняет, почему у него сорвалось с «махером», остальные изощряются в унылом остроумии по его адресу, Дэйв бесится, а неторопливый умный Людвиг, мозговой центр этой шатии, молчит и раскладывает все по полочкам. В следующий раз они изберут иную тактику. Рано или поздно они доберутся до цели.

– Мне бы не хотелось, – сказал он вслух.

– Мне бы тоже, – отозвалась Маргарет. – Между прочим, нас могут не только слышать, но и видеть. Вчера Донна искала в барахолке запасной «глаз» и, кажется, нашла. А она хороший инженер.

– А ты хороший врач, – улыбнулся Стефан. – Правда, я не шучу, ты очень хороший врач. И хороший товарищ.

– Спасибо... – сказала Маргарет. Ей было приятно, и она не пыталась это скрыть.

– Донна не станет им помогать, – сказал Стефан. – Кто угодно, только не Донна.

– Почему? Кажется, она тебя не слишком любит.

– Она и Питера не любит. Точнее, она боится прихода его власти. Ей будет трудно выжить, она слабенькая.

– А Уве?

– Уве – другое дело. В прошлом году Питер брал его к восточным болотам. Но до сегодняшнего случая я считал его нейтральным. А он, оказывается, ждал момента... – Стефан с

усилием сглотнул и облизнул губы. – Понимаешь, Анджей отказался идти, а Уве пошел. Да еще, наверно, с радостью.

– Я тебя предупреждала, – сказала Маргарет. – Давно надо было прикрыть эти экспедиции: Питер всякий раз имеет полную возможность обрабатывать людей поодиночке. Ты заметил, кого он тащит с собой? Сторонников? Как бы не так. Колеблющихся!

– Тебя он тоже звал? – хмуро спросил Стефан.

– Нет, конечно. Я же не колеблюсь, ты знаешь. Колеблются другие, особенно малыши, хотя им-то при власти Питера ничего светить не будет. Но видишь ли, у него есть интересные идеи.

– А у меня?

Маргарет рассмеялась:

– Твои идеи уже реализованы, в том-то вся беда. Получилось надежно, безопасно и скучно, ты уж извини. Да ведь ты, наверно, сам это понимаешь. Надежно и скучно. Плавно... как менуэт. И ты сидишь у всех в печенках, и никто не знает ответа на вопрос, зачем живет и кому нужна такая жизнь...

– Замолчи! – сказал Стефан.

– Вот видишь, ты уже сердиться, – покачала головой Маргарет. – Всегда ты такой. Отталкиваешь от себя людей, а Питер обращает их в свою веру... А ты знаешь, почему я за тебя? Думаешь, потому, что на твоей стороне логика? Ха! Да просто потому, что при Питере никто не задаст себе вопроса, зачем живет. Каждый будет просто пытаться выжить. И кое у кого это не получится... Я вот о чем подумала: если Питер и в этот раз вернется... В твоём «махере» еще есть заряды?

– Конечно. Ты сомневалась?

– Я? Нет. А сколько осталось? Один?

– Мне хватит, – сказал Стефан.

– Значит, один... – сказала Маргарет. – Что ж, это уже хорошо. Я боялась, что не осталось ни одного.

– А если осталось десять?

Маргарет фыркнула:

– Все знают, что нет там десяти. Считали много раз. Только счет получился разный. Максимум – два заряда. Минимум – ноль.

– Не ноль, – сказал Стефан. – Уж будь уверена.

Маргарет внимательно посмотрела на него.

– Я пойду. А то Абби кричит.

– Счастливо.

Она нарочно замешкалась, дожидаясь, пока он уйдет. Перед поворотом коридора Стефан, улыбнувшись, махнул ей рукой и исчез, только удаляющиеся шаги гулко бухали по всему кораблю – Маргарет догадывалась, что Стефан пытается подражать походке отца. Что ж, для этого есть основания: он – сын капитана. И он капитан. Капитан корабля, который разучился летать. Который никогда не взлетит. Пока еще капитан...

Вентиляционная отдушина располагалась недалеко от пола: вентиляция в коридорах корабля всегда была приточная, в каютах – вытяжная, с отдушинами под потолком. Положив на пол лекарство для Абигайль, Маргарет опустилась на колени и просунула пальцы сквозь решетку. Микрофон по-прежнему был на месте, а вот «глаза» не было – то ли его еще не успели установить, то ли он был нужнее в другом месте. Ладно и так... Вряд ли кто-нибудь сейчас слушал, но наверняка любой разговор в коридоре где-то записывается, а значит, рано или поздно обязательно будет прослушан со всем вниманием. Стефан не подвел – умница. Видимо, насторожился, что-то почуял, но не подал виду. Насчет бластера немножко переиграл, но все-таки сказал почти так, как надо. Пусть задумаются. Что ж, сегодня и она, Маргарет, ска-

зала им почти все, что хотела сказать. Сомнительно, чтобы это на них как-то повлияло, даже на колеблющихся, но сказать было нужно, тем более что подслушанный разговор – Маргарет чуть не рассмеялась – во много раз эффективнее надоевшей проповеди...

Она чувствовала удовлетворение.

4

Ходовая рубка помещалась внизу верхней трети корпуса корабля. После того как корабль лишился носовой части, она стала немножко ближе к небу, но внутри оставалась такой же, как при Бруно Лоренце, – просторным строгим помещением с панорамными экранами по закругленным стенам, с экраном-потолком, с большим сдвижным люком в полу, открывающим доступ к верхнему кожуху корабельного мозга, с шестью креслами и двумя пультами маршевого управления, один из которых был спящим, резервным, а на втором вахтенной смене иной раз приходилось играть в четыре руки, с маленьким пультом туннельного управления, ныне навсегда погасшим. Какая-то часть корабельного мозга еще действовала, кое-где светились индикаторы систем жизнеобеспечения, и мигала надпись, сообщающая о работе синтезатора пищи, но все это было лишь малой каплей, долей процента от доли процента того, что корабль должен был уметь делать и что он когда-то умел.

В углу, поджав под себя лапки, жалким комком скорчился ремонтный робот-червь. Стефан легонько пнул его ногой. Ему показалось, что червь слабо шевельнулся в ответ, но, конечно, только показалось. Червь был мертв, он только притворялся живым, он выглядел как новенький: сизые сегменты его туловища за много лет не съела никакая коррозия. Когда-то роботов-червей было несколько десятков, они неумоимо ползали по коммуникационным шахтам и лазам, куда не было доступа человеку; после посадки на планету они еще долгие годы выдавали тревожные сообщения, диагностируя начало разрушения той или иной системы корабля, они неумолчно шуршали по лазам, пытаясь что-то отрегулировать и что-то исправить, а потом начали замолкать один за другим. Никто не видел, как этот, последний, приполз в ходовую рубку и здесь умер. Или заснул? Во всяком случае, многочисленные попытки Уве и Донны вновь задействовать его не привели к желаемому результату.

А вот корабль был еще жив. В последние годы он даже как будто перестал разрушаться, за десять лет в нем не вышла из строя ни одна из систем, словно обреченный корабль, большая часть которого была давно и, по-видимому, необратимо мертва, вдруг раздумал умирать своей последней оставшейся частью. Словно он решил жить ради самого факта жизни, как безнадежный инвалид, навсегда прикованный к больничной койке. Он не собирался сдаваться. Он жил теми упорными крохами жизни, которыми еще держится иногда двухтысячелетний дуб с одной-единственной зеленой веткой и тоненькой полоской живой коры, протянувшейся вдоль мертвого ствола. Для Стефана корабль всегда был кораблем, а не башней-донжоном, как для большинства остальных. Летаргический мозг «Декарта» еще был способен управлять тем немногим, что осталось: поддерживать внутри корабля сносную температуру и влажность, следить за синтезатором пищи, иногда – рассчитать для Анджея одну из его заумных моделей. Постоянно работал радиомаячок – обыкновенная пищалка с всенаправленной антенной. Анджей однажды сказал, что при низкой электрической активности атмосферы сигнал маячка может быть выделен из шумов с расстояния в миллиард километров. Еще работали корабельные часы, показывающие земное и бортовое время – застывшая разница не превосходила нескольких часов, потраченных «Декартом» на форсажный набор релятивистской скорости в устье Канала сорок земных лет и сто семнадцать считанных земных дней назад...

«...Всем на борту! Готовность к входу в Канал! Повторяю: готовность к входу в Канал! Прошу пассажиров пройти в свои каюты и оставаться в них вплоть до полного прохождения Канала, о чем будет объявлено особо. Пассажирам категорически запрещается приближаться к служебным помещениям. Экипаж также рассчитывает на то, что его не будут отвлекать вызовами по аварийному интеркому. Желаю всем благополучного туннелирования. Удачи нам!» – и

через минуту снова: «Всем на борту! Всем...» Это была запись, транслируемая с маяка предвостерегающего наведения. Корабельный мозг заботливо снабдил ее интонациями Бруно Лоренца.

Стефан хорошо помнил и этот голос, разнесшийся по всем корабельным закоулкам, и свои ощущения. Он как раз играл в «догони-замри» с Питером и Маргарет и почувствовал, что двигаться стало тяжелее. Корабль вышел на траверз маяка с предкритическим значением функции «масса-скорость» и теперь дополнительно разгонялся.

Разумеется, Стефан не остался на пассажирской палубе. Поймав по пути не один завистливый взгляд, он напрямик направился в ходовую рубку. Что с того, что он, подобно большинству пассажиров, совершал туннельный прыжок впервые в жизни. Он был сыном капитана и не мог подавить искушение время от времени давать это понять. Жутковатые параграфы Специального Устава, применяемого только в нештатных ситуациях, просто не могли относиться к нему. Он не мог создать никакой нештатной ситуации.

Обида! – вот что осталось на долгое время, после того как Бруно Лоренц вышвырнул его из рубки, ухватив железными пальцами за штаны и воротник. Он упал на палубу в коридоре и от боли и обиды света неувидел. А отец – отец повернулся и задвинул за собой дверь, мгновенно забыв о Стефане и ни словом потом не обмолвившись о причиненном сыну унижении. Как так и надо. Хорошо еще, что ни Питер, ни Маргарет ничего этого не видели.

Стефан усмехнулся: если бы видели, осложнения могли начаться раньше...

Канал оказался виртуальным, вдобавок еще и инверсным. И если последнее означало для корабля всего-навсего повышенный расход энергии на разгон и защиту от встречного потока космических частиц, то первое обстоятельство было куда более серьезным и чреватое самыми неприятными последствиями.

Стефан знал о Каналах лишь то, что доступно большинству. Капитан не обязан знать все. В отличие от стабильных внепространственных Каналов, пронизывающих преимущественно спиральные рукава Галактики и их ответвления, виртуальные Каналы встречаются где угодно, в том числе, по мнению теоретиков, и в галактиках, начисто лишенных спиральных ветвей, а возможно, и в межгалактическом пространстве. Такие Каналы возникают и исчезают, устья их зачастую дрейфуют самым причудливым образом, к восторгу наблюдателей и ужасу расчетчиков; нижний предел их жизни не определен из-за невозможности обнаружения «секундных» Каналов, верхний – из-за недостаточного срока наблюдения за Каналами вообще. Срок жизни виртуального Канала не коррелируется ни с его направленностью, ни с протяженностью. Прогноз невозможен уже потому, что сколько-нибудь разумной теоретической модели виртуального Канала не существует.

Каналами просто пользуются.

Пользователь не обязан понимать. Сомнительно, чтобы древний китаец, первым додумавшийся до компаса, имел представление о магнитном поле планеты.

Существовали столетние, слабо дрейфующие Каналы, давным-давно освоенные и считавшиеся относительно надежными. Имелись, напротив, Каналы, не внушавшие к себе никакого доверия со стороны звездолетчиков. Человеческая психология вырабатывала зачастую удивительные критерии оценки возможной опасности. Не всякий готов был принять истину: риск одинаков в обоих случаях.

Сингулярная трубка могла просто-напросто схлопнуться. И такие случаи бывали.

Бесследно исчезнувший «Фромм» подозревался в туннелировании через неизвестный виртуальный Канал. За несколько лет до последнего рейса «Декарта» невероятно повезло линейному корвету «Эразм», кораблю заслуженному и на редкость удачливому, – вполне, казалось бы, благополучный Канал схлопнулся в каких-то микропарсеках перед его носом. Случалось, Канал выводил корабль прямо в метеорный рой. Отмечались случаи, когда дрейфующее в пространстве устье Канала цепляло звезду.

Это было почти все, что надо знать. Специальную литературу изучал один Анджей – терпеливо терзал корабельный мозг, выгребая из библиотеки заумь, составил, как сам хвастался, каталог существующих теорий, от дурацких до безумных включительно, и вдобавок находил подобное занятие вкусным, ненормальный извращенец. Стефан содрогнулся: умеет корабль летать – и жирного урода, пожалуй, пришлось бы определить в штурманы, терпеть рядом...

Даже поставленный поперек, туннельный корабль звездного класса «Декарт» мог бы свободно разместиться в кормовой дюзе таких гигантов, как «Аль-Кинди», «Чаадаев» и «Сенека», специально построенных для перевозки переселенцев и вмещавших от тридцати пяти до пятидесяти тысяч пассажиров в одном только туристском классе. Ни экономичностью, ни степенью защиты, ни скоростью хода в пространстве «Декарт» никак не мог похвастать перед этими монстрами, не говоря уже о таких материях, как отделка кают или наличие на борту развлечений. «Декарт» не был ни роскошным лайнером, ни грузовозной «рабочей лошадкой»; в лучшем случае он сошел бы за «рабочую блоху» и в этом качестве предназначался для передачи в вечное пользование растущей колонии на Новой Тверди, точно так же, как красавец «Антисфен» навсегда уходил на Новую Обитель, а старый, но еще добротный «Зенон» направлялся через три спиральных рукава в распоряжение колонистов Новой Терры.

Риск был невелик: что значат расчетные семьдесят две секунды локального времени, когда от одного туннелирования до другого проходят недели и месяцы, а время жизни используемых Каналов – годы и десятилетия? Но риск был.

Канал схлопнулся на третьей секунде.

Корабль выбросило.

И это казалось чудом: существующие теории, при всем их различии, сходились на том, что корабль, оказавшийся в положении «Декарта», должен был неминуемо превратиться в пучок жестких квантов, в мгновенную вспышку излучения.

Этого не произошло.

В сущности, не произошло и чуда: Стефан давно осознал, что чудес не бывает. Бывают события, более или менее вероятные. И, уж конечно, бывают неверные теории.

Стефан откатил кресло, сел. Осторожно положил руки на пульт маршевого управления. Иллюзия не приходила: не зажегся мягкий свет, не засияли индикаторы и корабельный мозг не спросил, что от него нужно человеку. Мозг был болен.

А был бы здоров, неожиданно для себя подумал Стефан, – признал бы он меня капитаном? Допустим, нам удалось бы восстановить... Разве может капитан не знать в подробностях, как управляют этим чудовищем? Может ли он не иметь в своем распоряжении команду, готовую подчиняться ему добровольно и вдобавок квалифицированную? Специалисты... На самом деле они не знают и десятой доли того, что им надо знать о корабле. По справочникам и руководствам не шибко выучишься. Да и не на всякую всякость найдется справочник.

Все тлен, чепуха. Этому кораблю уже никогда не летать. Донжон – вот он кто.

Стефан не глядя протянул руку, набрал код, пошарил в ящике под пультом. Бортовой журнал был тут как тут, услужливо подставлял корешок, облохматившийся по краям от старости. Из журнала выпал – вечно он выпадает! – плоский, как закладка, ползучий жучок-диктотайп и остался лежать на столешнице лапками кверху. Стефан равнодушно смахнул покойника в ящик и раскрыл журнал. Содержание последних записей он помнил наизусть, но если бы сейчас кто-нибудь спросил, для чего он собирает их перечитывать, он только удивился бы прихотливым зигзагам чужих мыслей. Общение с бортовым журналом составляло ритуал. Сам Стефан записей не вел, так и не решившись добавить к записям отца хотя бы одну свою запись.

Ровные диктотайпные строчки, красящий пигмент вылинял:

«...По-прежнему не знаем нашего местонахождения. Движемся с торможением 0.9g в плотном пылевом облаке не выясненных пока размеров и конфигурации. Классический „угольный мешок“. Сигналы маяков не обнаружены. Поиск Каналов безрезультатен. Непрерывно передаем сигнал бедствия по международному коду. Ведем расшифровку гравиграмм и пассивное сканирование в ИК-диапазоне...

Пассажиры еще не знают».

Стефан перебрал несколько страниц. Действия отца в той обстановке были совершенно правильными. О том, что «Декарт» идет к ближайшей звезде, знал только экипаж. В ослепительно-белом капитанском кителе Бруно Лоренц появлялся в пассажирском салоне, шутил, пил шампанское. Для пассажиров все еще продолжался полет к Новой Тверди, лишь чуть удлинившийся, как было объявлено, из-за непредсказуемого дрейфа устья Канала.

«...Система – двойная. Компонента А – звезда главной последовательности, класса F5. Уже видна невооруженным глазом. Поглощение света в облаке просто чудовищное. В – коричневый карлик M9. Удача: период обращения порядка тысячелетия. После торможения до 0.01C приступаем к поиску планет у звезды А.

Добрые вести из навигаторской: Хансен утверждает, что „Декарт“, по-видимому, находится в пределах нашей Галактики. Хорошо бы так.

Пассажиры – проблема».

Ни за что на свете Стефан не желал бы поменяться ролями с отцом в те предпосадочные дни. И первой проблемой был он сам, Стефан Лоренц, не посвященный в происходящее наравне с рядовыми пассажирами. Пересилив обиду, он приставал к отцу, когда тот валился на койку в капитанской каюте, и отец, черный от усталости, обрывал его и гнал прочь, что было еще более обидно, а потом, уже после посадки, Стефан обиделся всерьез, потому что незнание происходящего на борту сильно повредило ему в глазах Питера и Маргарет, и долго дулся на отца, избегая с ним разговаривать. И уж самым обидным было то, что отца это, по-видимому, устраивало.

Не вдруг и не через месяц, а лишь годы спустя, уже ощутив на себе тяжесть власти, Стефан понял, что отцу было попросту не до него. Нет, Стефан не желал бы быть ответственным за жизнь ста восьмидесяти пассажиров. «А смог бы?» – не раз спрашивал он себя.

Он знал ответ. Да. Смог бы. Как смог отец.

Ошибки? Они были. Быть может, самой крупной ошибкой Бруно Лоренца было решение о посадке на эту планету. Все могло обернуться иначе, не окажись рядом с точкой, где из схлопнувшегося Канала был выброшен «Декарт», звездная система с единственной, зато – на первый взгляд – чрезвычайно благоприятной для человека планетой.

Будь это балластный рейс, капитан мог склониться к прямо противоположному решению. Почти наверняка экипаж «Декарта» не стал бы тратить времени на исследование ничем не примечательной звезды, а сосредоточился бы на поиске виртуальных Каналов. Однажды Стефан рассчитал вероятность благополучного исхода. Она оказалась до смешного малой – «Декарт» не предназначался для поиска Каналов. Даже если бы Канал был обнаружен, оставался риск разрушения корабля из-за неточного наведения в жерло, что, учитывая отсутствие маяков, представлялось вполне закономерным. Не говоря уже о том, что плотность пылевого облака вряд ли позволила бы кораблю осуществить разгон до критической скорости. Но даже в случае успешного входа в Канал существовала лишь исчезающе малая вероятность того, что корабль «вынырнет» в известной человечеству области Вселенной. Почти наверняка корабль затерялся бы в космосе, исчерпав автономность. Но все же это был шанс, и следовало им воспользоваться.

Наличие на борту пассажиров навязывало иное решение.

«Декарт» сел.

«Декарт» сел в западной части северного, наиболее крупного материка, в равнинном краю озер, и болот, и быстрых речек, прочно вплавившись основанием в плоский скальный выход. Только после посадки, когда скрывать правду стало невозможно, она была объявлена пассажирам в умеренно оптимистических тонах. Против ожидания, обошлось без истерик и заламываний рук, а нескольких объявившихся скептиков отец великолепным образом высмеял и поставил на место, чем, несомненно, отдалил риск беспорядков на борту. Размышляя, Стефан давно понял правоту отца. Он сам поступил бы так же. Люди удивительные существа, и преступен тот, кто не пользуется этим обстоятельством для их же блага. Почему-то они чувствуют себя увереннее, когда под ногами у них твердая земля, а не десяток переборок, отделяющих их от пустоты. И когда они заняты делом... Сажая корабль, Бруно Лоренц уменьшал срок его автономности минимум на полгода, но он знал, что делал. Окончательное решение оставалось за капитаном, но твердое желание выбраться отсюда и спастись, как бы ни был ничтожен шанс на спасение, должно было исходить от пассажиров, и только от них.

В этом отец был прав.

Он ошибся в другом, и винить его за ошибку было невозможно.

Стефан раскрыл журнал с конца. Последние записи были сделаны от руки. Будто отец специально подчеркивал неофициальный характер этих записей.

Пробелы, перечеркивания, заметки на полях.

Неудобочитаемые каракули.

Тщательно, в двух ракурсах выполненный рисунок сложного морского узла. У отца было хобби – конструирование узлов.

Оборванная запись без даты: «Сегодня умерло пятеро. Карантинные меры...»

Кобура «махера» давила бок. Стефан отстегнул ее, положил на колени. Перевернул назад десяток страниц.

«...ближнюю разведку и картографирование. Первое впечатление: типичный постледниковый ландшафт. С запада озеро, с востока болото, посередине – моренные гряды и наша площадка. Леса здесь хилые, как и по всей планете. Совершенно невероятно, чтобы они могли продуцировать кислород в наблюдаемом количестве. Может быть, водная растительность в океанах?..

Вернулась группа – Хансен, Максименков, Игуадис. Расход боеприпасов – ноль. Доставленные образцы будут подвергнуты исследованию, однако ясно уже сейчас, что биологическая активность этого района планеты незначительна. Результаты микробиологического анализа обнадеживающие. Дал команду на подготовку к разворачиванию полевого лагеря. Добровольцев хоть отбавляй. Досадно, что у нас нет ни инструментов на всех, ни сколько-нибудь значительных запасов пищи. Синтезатор работает исправно, однако запасов органического топлива, за вычетом необходимого для подъема НЗ, хватит не больше чем на восемь-девять месяцев. Стартовать на маршевых двигателях – самоубийство.

Игуадис предложил идею: перенастроить синтезатор под местные ресурсы – древесину или торф. Вряд ли нам это понадобится, никто не собирается застрять здесь надолго. Тем не менее поручил Максименкову предварительную техническую разработку.

Пассажиры работают плохо, но охотно. Кустарный энтузиазм, суета и бессмыслица. Все дают советы. Очень хороша чета Пунн – оба прирожденные организаторы. Предполагаю назначить Огастеса Пунна своим заместителем вне корабля...»

Стефан резко захлопнул журнал. Здесь коренилась другая, самая значительная ошибка отца, хотя, конечно, отец не мог предвидеть отдаленных последствий. Честно говоря, Стефан

не помнил, плох ли, хорош ли был Огастес Пунн в роли распорядителя внекорабельных работ, да и не в нем было дело, а в его сыночке, который с тех самых пор вбил себе в голову бог знает что.

Питер Пунн... Опасный человек, самый опасный из всех. Кумир большинства, дурачье за него в огонь и в воду. Худших всегда большинство – кто это изрек, бородатый такой, из соотечественников Игуадиса? Не помню, и не важно. Главное – хорошо знал грек, что говорил.

Лучше бы Питер не вернулся...

ИНТЕРМЕЦЦО

Пачка бумаги. Субтильный карандаш с неустранимым дефектом, приобретенным при изготовлении где-то на просторах между Чанчунем и Гуанчжоу. Пусть так. Терпеть не могу шариковых ручек и фломастеров, даже тонких.

Компьютер? Да. Но после.

Стол. Табурет. Штаны, устойчивые к истиранию. Что еще?

Некоторое количество свободного времени.

Со временем у всех туго. И – звонит телефон.

Не нормальным неторопливым внутригородским звонком, когда в промежутке между двумя сигналами успеваешь дописать фразу, и не суматошным междугородным вызовом, похожим на дыхание астматика на марафоне, а длинным непрерывным звонком-воплем, от которого подскакиваешь и сатанеешь. Аппарат из розетки не выдернуть, она у меня за шкафом. Не хочу и вспоминать, как я пытался его отодвинуть.

– Слушаю!

Горячее дыхание в трубке. Так и есть. Он. Опять. Теперь можно не суетиться и поздно надеяться, что аппарат возопил из-за какой-либо дурной неисправности в телефонном узле. Тем более не стоит воображать, будто мои телодвижения способны что-то радикально изменить. Скажем, если отсоединить провод вон там, где, уже оборванный однажды, он залечен изолентой, голос в трубке не исчезнет. Проверено. Можно, конечно, разбить саму трубку, но тогда заговорит какой-нибудь другой предмет в квартире, например, начнет резонировать стекло в книжной полке, отчего слова окрасятся гнусным стеклянным дребезгом. Лучше уж телефон.

– Говорите, ну!

Товарищ Саахов.

Молчание. Треск. Бросаю трубку. Звонок.

Сдохнуть можно.

– Слушай, как тебя... Могу я наконец поработать спокойно?

Смешок в трубке – и тот с акцентом.

– Разве в твоём мире можно что-либо делать спокойно?

Философ...

– А в твоём это запросто? – парирую я.

– Тоже нет, конечно. Разве что какой-нибудь дятел продолбит себе дупло и попытается в нём что-нибудь высидеть.

Хочу быть дятлом.

Оглядываюсь – а толку? Ещё не привык... Хуже всего то, что я никогда не знаю, в какой момент нахожусь под взглядом, а в какой нет. Подозреваю, что этот тип интересуется буквально всем. Моей работой почему-то в особенности. С чего бы?

Проникнуться к себе уважением, что ли?.. Не настолько я наивен.

Мой знакомец мог бы немало порассказать, откуда берутся сюжеты. Зато жена, вопреки очевидному, почему-то убеждена, что фантасты поголовно на наркотиках. А все гораздо проще.

– Ладно... – сдаюсь. – Что там опять? Сильно напорол?

– Изрядно. Прежде всего имей в виду, что никаких таких Каналов, в особенности виртуальных, в Пространстве не существует. Мы пользуемся иными методами.

– Это какими же?

– Так я тебе и сказал... Во-вторых, отца Стефана звали отнюдь не Бруно. Вообще с именами ты так наколбасил, что теперь трудно понять, кто есть кто.

– Мелочи, – отмечаю. – Подумаешь – имена... Ты давай по существу.

Смешок.

– Чего там – по существу. Едва начал, а уже чего-то хочешь. Продолжай кропать, а я посмотрю.

Вскипаю. Успокаиваюсь.

– Не хами, потомок. Все-таки я старше тебя лет на двести... или на триста?

– Не скажу. – Он начеку и легко разбивает мои неуклюжие поползновения узнать больше, чем мне положено.

Сейчас я начну канючить, отвернитесь.

– Ну хотя бы скажи... было все это? То есть – будет? «Декарт», Стефан, Питер...

– И главное, дети, переставшие взрослеть?

– Да! Было?

Короткое молчание.

– Ну... было.

Гудки в трубке: ту-у... ту-у... ту-у...

Каша в голове. Геркулес с изюмом.

Ужаснусь я потом. А пока – радуюсь...

5

Лодка была длинная, из легкого блестящего металла, с хищно заостренным носом и узкой, ровно срезанной кормой. Когда-то в корме помещалась дюза маршевого двигателя, но потом дюзу сняли, двигатель выбросили за ненадобностью, горючее мало-помалу сожгли, начинку исследовательской ракеты одно время пытался использовать Уве для каких-то своих нужд, а пустой корпус распилили вдоль и получили две лодки. Одна разбилась пять лет назад на порогах Безумной реки, другая большей частью лежала кверху днищем под навесом внутри частокола, в повседневной жизни была не нужна и изредка приводилась в порядок для затеваемых Питером экспедиций, если таковые намечались по воде. Остойчивость лодки при полной загрузке оставляла желать, маневренность тоже, но ходкость была удовлетворительная.

Несмотря на умытый блеск металла, лодка была старая. Вмятины на корпусе, оставленные камнями порогов, были осторожно выправлены, загрунтованы, залиты самодельным пластиком, выровнены заподлицо с обшивкой и тщательнейшим образом отшлифованы и отполированы. Этой работы Питер не доверял никому – гнал всякого, кто осмеливался приблизиться с доморощенными советами. За время экспедиции на днище прибавилось несколько свежих царапин, но Питер считал их несущественными.

Ему хотелось считать их несущественными – так точнее.

Эту ночь всем троим пришлось провести под лодкой на голом, полого сбегавшем к реке склоне, усеянном выпирающими из лишайника валунами. Выше начинался и тянулся за вершину холма чахлый полулес-полукустарник, но никто не выразил желания в нем заночевать. Питер все же сбегал до вершины и обратно, порыскал и, вернувшись, сообщил, что опасности нет. Двое младших – мальчик и девочка, – промокшие и вымотавшиеся за день, встретили это сообщение почти равнодушно.

Нужно было торопиться: еще час назад стало ясно, что надвигается дождь. Лодку втащили до половины подъема и, перевернув, закрепили камнями. С нижней стороны склона под бортом оставили лаз, а с верхней навалили земли и лишайника, чтобы дождевые струи не затекали под лодку. Когда огромный бледно-желтый диск упал за холмы на том берегу и в распадке вспыхнул и сгорел ослепительный зеленый луч, ночлег был готов, и Питер успел еще сбегать разведать следующий порог, а на обратном пути отыскал в ручье целую гирлянду водяных сосулек, и они съели их сырыми, потому что туча уже накрыла небо и блуждать среди кремнистых стволов в поисках горючего кустарника для костра было поздно. Сырые сосульки резко и неприятно пахли, и Йорис поначалу даже отказался их есть, несмотря на голод, но Питер рассказал, как однажды прожил на реке неделю, питаясь только сырыми сосульками, правда, чуть не умер, – тогда Йорис зажмурился и осторожно откусил первый кусочек. Сосулька зашипела и принялась извиваться. «Ешь!» – крикнул Питер, и Йорис, торопясь, проглотил свою долю. Насмешек он сносить не желал. Вера не привередничала. Она уже была один раз с Питером в экспедиции, и в тот раз тоже не хватило еды. Она молча радовалась, что Питер нашел сосульки, он молодец, всегда что-нибудь найдет, сосульки еще не самое худшее, они ничего, только после них щиплет во рту и нельзя сразу пить, плохо будет... Дождь пришел вместе с яростными порывами холодного ветра, тогда Питер вынул два оставшихся химпатрона для спальных мешков и отдал их Вере и Йорису. Уже лежа под лодкой – Питер в носу кокпита, Вера посередине, а Йорис под кормой, – они поговорили о том, откуда идет этот дождь, и Питер сказал, что, должно быть, теплое течение на севере уже размывло шельфовый ледник и теперь там море, но чтобы это проверить, нужно как минимум туда добраться. «Полторы тысячи километров?!» – с ужасом и восхищением спросил Йорис. «Чуть больше, – подумав, сказал Питер. – Но в пределах возможного».

Он почти не спал в эту ночь, потому что для него не осталось ни одного химического патрона. Слыша, как по днищу лодки лупит дождь, Питер думал о том, что завтра, если повезет, он будет спать в тепле; эта мысль долго не отпускала его, но совсем не грела. Тогда он прогнал ее и стал думать о том, чем все это должно кончиться. Четырнадцать экспедиций только за последние восемь лет... нет, даже пятнадцать, если считать ту, неудавшуюся, в самом начале, когда утонула Астхик и все, ну почти все пришлось начинать сначала, заново доказывать сначала себе, а потом всем остальным то, что ясно без всяких доказательств.

Впервые им удалось так далеко забраться на север. Почти на триста километров, если считать по прямой. По рекам и ручьям, разумеется, выходило больше. Перед водоразделом пришлось оставить лодку и дальше двигаться пешком, потому что удобный волок, тщетно разыскиваемый прежде, не был найден и теперь. Обратно на водораздел вышли почти без сил от усталости и голода, но результаты экспедиции того стоили.

На сей раз он взял с собою этих двоих. Он мог бы взять и четверых – в кладовке «Декарта» хранились еще два спальных мешка, а Диего обещал подзарядить еще десяток химпатронов, – но четверых работников сразу Лоренц не отпустил бы ни при каких обстоятельствах.

Дождь сменился мокрой крупой. Питер по звуку чувствовал, как на днище лодки нарастает ледяная корка. Он немножко помечтал о том, чтобы наконец пошел настоящий снег, навалил сугроб и стало тепло, но снег обманул, как обманывал всегда, снова забарабанили капли, и тогда Питер, пытаясь отвлечься, начал рисовать в уме карту этих мест – безымянная река с безымянными притоками, петли, развилки, протоки, острова... Он шел от устья вверх, к истокам. Змеящиеся притоки отнимали у реки воду, и синяя нить сужалась. Вот она запетляла в болоте – там много старых протоков, почти сухих, и, наверно, река каждый год промывает в торфяниках новое русло. Питер вносил поправки. Вот крупный левый приток, он исследован дважды, нет там ничего интересного... Ряд коротких черточек поперек синей нити – цепочка порогов в верхнем течении. Целая сеть притоков, как разлапистая пятерня, разбегающаяся пальцами к водоразделу, – и не скажешь сразу, где собственно река, а где притоки. Вот этот, крайний, совсем не исследован – судя по карте, он ведет в маленькое болото, питаемое, скорее всего, грунтовыми водами. Поэтому опять неинтересно, зато от второго справа притока, где завал из незнакомых деревьев, которые как бочки, и очень неудобный обнос, отходит любопытный ручей, вероятно доступный лодке при высокой воде. Хорошо бы дожидаться паводка, чтобы подняться по ручью прямо к водоразделу... сидеть и ждать затяжного дождя, и чтобы пища была, и тепло, а Стефана не было, и каждый вечер ходить смотреть надоевший зеленый луч...

Глупости. Никому это не нужно.

Питер улыбнулся, услышав, как Йорис мучительно простонал во сне. Парнишка еще не понял... А вот Вера догадалась, она сообразительная. Результаты экспедиции не в нескольких нанесенных на карту ручьях и болотцах, хотя и это важно. Главный результат – вот он, лежит под боком и, кажется, даже греет – две прозрачные фляжки с темной маслянистой жидкостью. Йорис не понял, что они означают, а Лоренц поймет сразу. Он чувствует опасность издалека, как осторожный зверь.

Уже скоро, Стефи. Немыслимо больше ждать.

К утру он сильно замерз и выполз из-под лодки. Светало. Туча ушла. Дождь кончился совсем недавно, стывшая земля была пропитана ледяной влагой. Ляская зубами, Питер заставил себя отбежать метров на сто вверх по склону и там заплясал, запрыгал, заколотил окоченевшими ладонями по бедрам и заду. Сейчас он ничем не напоминал привычного всем Питера, а был похож просто на продрогшего до костей мальчика, каковым являлся в действительности, и отчетливо сознавал это. Он напряг мышцы, тихонько зарычал, силясь унять дрожь и ненавидя себя за нее. Оглянулся. Его не должны были увидеть в таком состоянии, и его не видели: младшие спали, а значит, можно было немного пожить простыми желаниями. Он быстро спра-

вил нужду, бегом перевалил через холм – бегом, скользя в промоинах, спустился в распадок – повернул – бегом понесся вверх – повернул – опять бегом вниз. Мокро блестели седые валуны, попадались кости вымерших животных, давно обглоданные лишайником и выбеленные. Лес был как лес: кремнистые нескораемые деревья, сумев как-то выжить, перестали расти и завязались узлами. Листьев на деревьях почти не было. Хилый горючий куст, запустив под валуны жесткие корни, целился в небо прямыми в струнку ветвями. Хвоя на нем не росла, а та, что росла когда-то, пошла на корм лишайнику, однако куст был жив и даже затрепетал при приближении человека, словно пытаясь выкопаться из земли и удрать. Наверно, чувствовал, что пойдет в костер. Питер усмехнулся: куст чувствовал правильно.

Вверх. Бегом. Вниз. И еще раз так же. Ему пришлось трижды спуститься с холма и трижды подняться, пока он не ощутил возвращающееся в мышцы тепло. Напоследок не утерпел: взял короткий разбег и с криком «йо-хо-о!» крутнул переднее сальто. Дрожь унялась, теперь Питер чувствовал себя в порядке, и даже приступ острой ненависти к Стефану, нежащемуся в тепле, прошел и сменился предчувствием удачи и спокойной уверенностью в своих силах. Он едва не рассмеялся. Сегодня. Это будет сегодня, Лоренц. Если повезет – сегодня к вечеру. Что, Лоренц, не ждал? Хочешь, очень хочешь ты, чтобы я не вернулся, и у тебя еще есть шанс, ты еще можешь надеяться на последний порог и водяного слона на озере – но я ведь и в этот раз вернусь, Лоренц. Ты же понимаешь, что я вернусь.

Очень скоро он нашел то, что искал, – смолистый корень, спрятавшийся в лишайнике. Корень был большой, толщиной в руку взрослого человека, – строго говоря, корень не был корнем, а был самостоятельным организмом, паразитирующим на лесной подстилке, не то растением, не то животным, однако в костре он горел превосходно, а большего от него не требовалось. Радуюсь удаче, Питер выкопал корень руками. Как бы ни промокли ветки горючего кустарника, костер теперь будет, а значит, можно будить Йориса и Веру...

Он поднял глаза и мысленно охнул. Прямо на него шел белый клоун. Еще несколько отставших кривляющихся фигур, торопливо поднимаясь из распадка, настойчиво лезли вверх по склону. Питер бросил корень.

Запах человека необъяснимо притягателен для белого клоуна. Этой загадки так и не удалось разрешить: человек не являлся добычей белого клоуна; если человек не бежал, клоун жадно тянулся к нему, выбрасывая ложноножки, прилипал к человеку, обволакивая его только лишь для того, чтобы через секунду отклеиться и побрести дальше. Побрести – или потечь? Ног у клоунов не было, но перебирание ложноножками карикатурно походило на ходьбу, и сами клоуны издали карикатурно походили на человека. Убить их ножом или стрелой было невозможно. Однажды Маргарет, единственная из всех, кого клоуны интересовали профессионально, высказала предположение, что их бесскелетные студенистые тела суть вовсе не тела в обычном понимании этого слова, а живые коллоидные сгустки, структурируемые собственным магнитным полем. Так это было или не так, никого особенно не интересовало. Гораздо актуальнее было то, что на теле человека, не успевшего увернуться от объятий белого клоуна, оставались долго не заживающие ожоги.

Шрам на подбородке Питера был следом ожога более чем тридцатилетней давности, памятью о том, как он уводил белого клоуна от группы малышей, оказавшихся слишком далеко от часткола. Он тогда застрял в зарослях и был настигнут. Кожа стянулась и изменила цвет. На руках тоже были шрамы. Такие шрамы были на руках у всех, исключая немногих счастливых в виде младенца Джекоба. Даже у Лоренца они были.

Питер молниеносно окинул взглядом бугорок, обозначающий перевернутую лодку. Нет, белые клоуны не почуяли младших. Еще не почуяли. Пока что они шли мимо и для таких увальней очень быстро, со скоростью бегущего вялой рысцой человека. Их было много.

На открытой местности человеку, как правило, нетрудно уйти от белого клоуна. Нужно заманить его подальше – если человек не очень спешит, клоун идет за ним как привязанный, – а

потом убежать от него, сделать большой круг и вернуться. Клоун не вернется, он быстро потеряет след, а вместе с ним интерес к человеку. Труднее уйти от стада, но тоже можно. Хорошо, что клоуны чаще бродят в одиночку. Хорошо, что на этой планете летаргическая жизнь дала так мало подвижных опасных тварей и ни одной неподвижной опасной твари, если не считать того пня, который оказался не пнем... Но и он сжимал челюсти так медленно и робко, что можно было еще раз-другой сесть на него и успеть встать. Пожалуй, опасные виды фауны можно пересчитать по пальцам. Клоуны. Болотные черви. Вонючие крылатые гарпии. Водяной слон. Цалькат. Человеку в лесу нечего дрожать перед зверьем: если он не ранен и не дурак, он не будет съеден. Однако и пищи себе не найдет, это точно. Сосульки годятся лишь на то, чтобы обманывать голод, да поди их еще найди...

Его почуяли. Крупный, в рост взрослого человека, клоун, шедший прямо на него, ускорил движение. Другой, который должен был пройти мимо, вдруг запнулся на ходу, зашевелил отростками и уверенно свернул к Питеру. Белый клоун способен почуять человека шагов с десяти-пятнадцати, независимо от направления ветра. Наверное, Маргарет права: клоуны ориентируются не по запаху, а по окружающим человека слабым электромагнитным полям.

Первого клоуна Питер подпустил на два шага. Потом отскочил, метнулся вбок, обманывая, выждал секунду, прислонившись спиной к дереву, и подставил вместо себя корявый ствол. Краем глаза успел заметить еще двоих – те заходили справа, и один из них шутя протек сквозь горячий куст, нимало при этом не замешкавшись. Серьезной опасности пока не было: с тремя-четырьмя клоунами Питер мог играть в догонялки часами. Но сейчас он должен был привлечь внимание всего стада.

Ий-о-хо-о!.. Он рванулся с места, как спринтер, в самую гущу стада и заметался зигзагами по склону холма. Ноги путались в лишайнике, а один раз Питер споткнулся о камень. Теперь клоуны были со всех сторон – спешили догнать, обтечь, ощупать человека жгучими отростками, попробовать на вкус, и надо было петлять, уворачиваться, сбивать с толку, не давая окружить себя плотным кольцом – а потом, если повезет, выскочить из стада и увести его как можно дальше. Вот, сейчас... Нет, еще рано. А вот теперь пора. Йо-хо-о!..

И все получилось бы, если бы ночью не прошел дождь, если бы на обманном финте нога не заскользила бы так неожиданно, если бы только удалось удержаться на ногах и почва именно в этом месте не выперла из лишайника каменный обломок, угодивший прямо в солнечное сплетение, – а когда пропала тошнотная чернота перед глазами, вернулось дыхание и Питер почувствовал, что снова способен вскочить и бежать, нужно было уже не бежать, а укрываться: кривляющееся кольцо вокруг него сомкнулось, оно было похоже на студень или медузу, в нем не было ни единого просвета, и оно сжималось.

Питер скорчился, прижался к лишайнику, пряча руки под тело, вжимая шею в воротник драной куртки. Лишайник шевелился, щекотал лицо. Было досадно, что так не повезло. Теперь-то, конечно, обожгут... затекут под одежду и обожгут хуже кипятка... придется потерпеть... Он негромко и скверно выругался. Ну и обожгут, подумал он с ожесточением, пусть жгут, подумаешь – ожог, не барышня, да и не в первый раз, уж как-нибудь перетерпим...

Сжавшись, он считал секунды. Глупые твари, самые глупые на этой планете, если не считать трясинных черепах на болотах, слишком тупые для разума человека и оттого непредсказуемые. Может, они не могут договориться, кто в кольце главный?..

Он рискнул поднять голову и присвистнул от удивления. Кольца уже не было, оно распалось; клоуны, кривляясь пуще прежнего, уходили кто куда, но по преимуществу вверх по склону, мимо лодки. Разбегаются, с недоумением подумал Питер. Разбегались... Чего для? Он еще успел обрадоваться удаче, но тут же осмотрелся и понял, что до удачи далеко и радоваться рано, а бежать, напротив, поздно.

Клоуны не просто уходили – они спасались. С самого начала стадо бежало от хищника, и лишь запах человека сбил стадо с толку, на время пересилив инстинкт самосохранения. Пре-

следователь был хорошо виден и знаком – бродячую паутину не заметишь разве что в сумерках, и тогда она тебя схватит, зато сейчас, в первых лучах солнца, она сверкала всеми радужными нитями. Она была просто нарядна и двигалась с легчайшей воздушной грацией, закидывая невесомые нити на грубые замшелые стволы, стремительно подтягиваясь, выбрасывая новые нити, и нити падали сверху вниз, разрастались, ветвились и снова втягивались, паутина словно бы катилась, было в ней что-то от морского ежа и перекасти-поля одновременно. Клоун, отставший от стада, был схвачен и задержался, тщетно пытаясь протечь сквозь паутину. Через секунду он был оплетен и обвис. Питер знал, что паутина на этом не успокоится: схватив одного, она обшарит пространство радиусом в несколько десятков шагов в надежде поймать кого-нибудь еще, длина нитей это позволяет, а потом она подтянет к жертве коричневый белоглазый стусток размером с кулачок младенца Джекоба – по сути, пищеварительный и нервный центр хищника – и замрет, высасывая. Неделю будет сосать. Две...

Питеру случалось на спор убивать «паука» выстрелом с пятидесяти шагов, и сейчас он пожалел о луке, оставленном в лодке. Бродячая паутина намного опаснее белого клоуна. Как ни странно, она не любит путешествовать по вертикали, предпочитая обходить препятствия, а не переваливать через них, и частокол вокруг лагеря поставлен не зря. Можно также с надеждой на удачу забраться на высокое дерево. А на открытом месте первая и главная заповедь настигнутого паутиной: не шевелись. Замри. Тебе может повезти: паутина хватает тех, кто движется, она полагается прежде всего на зрение. Правда, на осязание тоже, и еще она чувствует температуру ощупываемого предмета, так что шансы остаться необнаруженным пятьдесят на пятьдесят...

Ноги опутало сразу же. Рвануло, повалило. Питер яростно резал нити, они пружинили и пищали под ножом и рвались с натужным дребезжаньем лопающихся струн, но их было много, и все новые и новые путы хищно тянулись к человеку, к законной и лакомой добыче, – будто человек с сорокалетним опытом жизни на этой планете мог позволить себе быть добычей! – радужные жгучие бичи хлестали справа и слева, тонкая живая проволока закручивалась вокруг тела, падала сверху на голову, ползла к шее... Десятки, сотни сверкающих нитей. Паутина была в ярости: ей еще не попадалась жертва, вооруженная стальными когтями.

Натянулось, просекло кожу... Потатило. Захлестнуло правую руку – Питер не глядя перебросил нож в левую. Он ждал. Неожиданно для себя он обнаружил, что совершенно спокоен. Теперь он защищал только шею и руку с ножом, предоставив паутине оплетать остальное коконом. Он ждал и терпел боль. Он умел терпеть и ждать. И когда паутина, вспахивая его телом лишайник, доволокла его туда, куда ей хотелось, и на расстоянии вытянутой руки он увидел покачивающийся над ним безобразный коричневый комок с тонким дрожащим хоботком в проеме распахнувшихся зазубренных жвал, он, перерезав мешающие нити, хладнокровно и точно, как делал не раз прежде, всадил нож в промежуток между жвалами и парой отвратительных выкаченных глаз...

Ему не сразу удалось освободиться – некоторые нити были еще живы, старались вырвать нож. Белых клоунов на холме уже не было, кроме одного, схваченного. Питер оставил его в покое – еще оживет, увяжется... Горючий корень был на месте – не уполз, дурак. Питер хмыкнул: хоть в чем-то повезло. Теперь ничто не мешало развести костер, вскипятить в котелке воду на завтрак и разбудить Йориса и Веру...

6

– А, это ты, – сказал Стефан. – Входи. Можно.

В дверь просунулась лапа в бугристых наростах кожной болезни, которую давно отчаялась вылечить Маргарет. Затем явилось лоснящееся лицо-блин с коротким носом-обрубком, и следом – брюхо наперевес – вкатился сам Анджей по прозвищу Пупырь, по-утиному переваливающийся на коротких тумбах. Можно было подумать, что, если его толкнуть, он встанет вроде неваляшки. Всякого другого Стефан сейчас с удовольствием выгнал бы вон, да и вообще не дело посторонним торчать в ходовой рубке, но как раз Анджей посторонним не был. Когда он не занимался прямыми наблюдениями, его рабочее место помещалось здесь.

Стефан остался сидеть. Кресло сейчас по праву принадлежало Анджею, но если этот пухлый слон заполнит его своим могучим задом и уронит кошмарные лапы на пульт, толку от него уже не допросишься. Стефан изобразил улыбку. Ему в самом деле было приятно, что Анджей и сегодня пришел работать рано, еще до сигнала общего подъема. Редкий трудяга, все бы так.

– Как дела? – спросил Стефан.

Как у Анджея дела, было видно невооруженным глазом. Зато Анджей теперь мог вооружить только один глаз – второй заплыл.

– А ну, повернись к свету, – приказал Стефан. – Та-ак. Били?

Анджей виновато развел руками: били, мол, ничего не поделаешь.

– Кто?

Анджей поднял кверху толстый, в наростах палец.

– Не так важно, кто бил, – квакнул он, – как важно: за что?

– За что, мне уже доложили, – сказал Стефан. – Я тебя не спрашиваю, за что. Я спрашиваю: кто?

Анджей насупился.

– Мне повторить вопрос? – осведомился Стефан.

Анджей досадливо махнул лапой.

– А не все равно? Ну, Дэйв бил... Никак не пойму, почему это тебя интересует. Ты его наказывать будешь, что ли? Он глупый, его не надо.

У тебя все глупые, с холодным ожесточением подумал Стефан. Все, кто не потусторонний, как ты, кто не витает духом в иных слоях мироздания, а живет сегодняшним днем, таскает из болота торф и ни бельмеса не смыслит в твоей астрофизике, – все они для тебя не более чем глупые дети, не поумневшие за сорок лет, и я, наверно, в их числе. А ты подумал, умник, что Дэйв бил тебя по роже не только из-за твоего отказа идти воровать бластер? По такой роже тому, кто голодный, бить одно сплошное удовольствие. Они ведь все как один убеждены, что я тебя подкармливаю за их счет, ни один не поверит, что это не так...

Вслух он сказал:

– С Дэйвом мы разберемся. Я, собственно, не это имел в виду. Как дела?

Анджей облизнул толстым языком толстые губы и моментально стал похож на жабу, только что слопавшую вкусного жука и оттого невероятно самодовольную. Всякий знал, что это означает: готов материал для доклада. Пупырь обожал делать доклады. Без сомнения, в такие минуты он ощущал себя серьезным ученым, выступающим перед коллегами, и не снисходил к уровню слушателей. Стефан не раз думал о том, что на Земле Анджей мог бы стать ученым. Может быть, даже крупным ученым. Здесь ему не хватало масштаба исследований и чувствительности аппаратуры.

– Сегодня делаю доклад. По теме – итоговый.

Стефан с трудом удержал себя в кресле. Врет? Нет, он бы не решился... Этот – нет. Кончилось. Не просто очередной доклад, целиком, полностью и в приложениях посвященный очередному уточнению очередной модели, – а итоговый доклад по теме! Окончательный. Финиш. Больше тридцати лет работы, нудной и каждодневной, если считать от того времени, когда Анджей, разобравшись в приборах и собрав крохи наблюдательного материала, слепил кое-как первую модель этого солнца, крайне наивную и даже смешную с позиций сегодняшнего дня. За тридцать лет ему удалось сделать то, на что астрофизики Земли потратили столетие, при том что Солнце устроено много проще этой гнусной звезды. И ведь никто не верил, что получится, сам же Анджей не верил: «С таким бараклом, как наш нейтриноскоп...» А я его заставил, подумал Стефан с гордостью. В этом и моя доля успеха. Иногда это очень важно – заставить.

– Ну? – спросил он.

Жаба поцокала языком. Пупырь наслаждался – держал паузу.

– Вечером расскажу всем. Ты им объяви, чтобы собрались.

– А почему не сейчас?

– Вечером, вечером.

– Мне ты расскажешь сейчас, – медленно и отдельно произнес Стефан.

И тотчас исчезла самодовольная жаба, прыгнула в болото и затаилась – остался лишь нескладный толстый подросток с уродливыми руками и подбитым глазом, очень старающийся не скреститься взглядом с неподвижным взглядом Стефана.

– Ну, может, вечером, а? – проныл он. – Я и не готовился еще...

– Поговори еще у меня, – фыркнул Стефан. – Обойдешься.

Анджей тяжело вздохнул. Его грабили. У него отнимали аудиторию. Трибуну. Но он справился.

– Я это... диаграммы нарисовал... принесу.

– А без диаграмм? – с интересом спросил Стефан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.